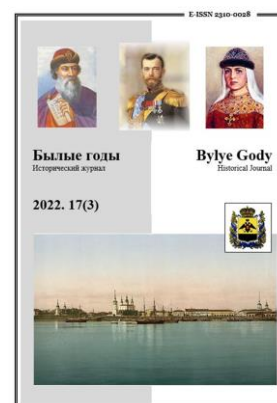

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1093-1101
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1093

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Situation of the Kazakhs after the Entry of the Kazakh Steppe into the Russian Empire in the XVIII-XIX centuries

Arman A. Umarov ^{a, *}, Baurzhan N. Abdrakhmanov ^a, Anara E. Karimova ^a, Gulmira E. Oteпова ^a

^a Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

Abstract

The authors of this article researched the situation of the Kazakhs after the entry of the Kazakh steppe into the Russian Empire. Having worked through archival sources, the Finished Collection of the Russian Empire's Laws, the testimonies of contemporaries and the research of scientists, the authors come to the inference that the social processes that took place from the end of the 18th – 19th centuries, it little studied and have not lost their relevance.

Russian and Kazakh historians studied the accession of the Kazakh steppe in a political context, considered questions about relations and diplomatic connections, the reasons that led to the dependence of the latter, which often led to various disputes. This article does not consider political discussions and the reasons for the accession of Kazakhstan to the Russian Empire.

The key issue in the article is the including problems of conventional Kazakhs in the new management system, the social polarization of society, the change in the traditional way of life, the emergence of slavery, which is the novelty of the study of this article.

Keywords: position of the Kazakhs, dependence, zhataki, nomadic economy, agriculture, arable farming, liveless, crisis, slavery, social polarization.

1. Введение

Исследование положения казахов в составе Российской империи на рубеже XVIII и первой половине XIX вв. требует обращения к его историческому прошлому. По сведениям А.И. Левшина, положение казахов в XVIII веке описывается так: измученные и стесненные со всех сторон враждующим окружением и ежеминутно ожидавшие новые потери людей и имущества, они жили в ожидании новых страданий (Левшин, 1832: 178).

Т.Ж. Шоинбаев в своей работе особо подчеркивал, что к моменту присоединения Казахстана к России кочевое общество казахов переживало глубочайший кризис. Включение Казахской степи в состав Российской империи – сложный процесс, длившийся долго и определявшийся сочетанием разных обстоятельств и факторов (Шоинбаев, 1982: 5).

Но изучение положения казахов в составе Российской империи без политического контекста до сегодняшнего дня является научной проблемой, требующей своего разрешения.

2. Материалы и методы

В нашем исследовании были использованы источники, архивные материалы, сборники опубликованных документов.

* Corresponding author

E-mail addresses: arman.umarorov77@mail.ru (A.A. Umarov),
abdrakhmanov_bayr@mail.ru (B.N. Abdrakhmanov), akeo73@mail.ru (A.E. Karimova),
g.otepova.hist@mail.ru (G.E. Oteпова)

Архивные материалы представлены документами Архива внешней политики Российской Федерации, Центрального государственного архива Министерства культуры и спорта Республика Казахстан.

Наряду с архивными материалами, были использованы и сборники документов, например «Полное собрание законов Российской империи» (ПСЗ РИ).

Важное внимание уделено и материалам личного происхождения, а именно мемуарным произведениям, дневникам и т.п. Здесь важно отметить следующие работы: А.И. Левшина «Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких орд и степей» (Левшин, 1832), Л.Л. Мейера «Киргизская степь Оренбургского ведомства» (Мейер, 1850), А.А. Кауфмана «Отчет старшего производителя работ Кауфмана по командировке в Тургайскую область для выяснения вопроса о возможности ее колонизации» (Кауфман, 1897), П. Сартори «Эксперименты империи» (Сартори, 2019), Р. Темиргалиева «Казахи и Россия, история казахского ханства» (Темиргалиев, 2019), С. Акимбекова «Казахстан в Российской империи» (Акимбеков, 2018).

В работе в качестве источника был также использован журнал «Актюбинский городской вестник» (1913 г.).

Методологической базой исследования послужили подходы к изучению отечественной истории, опирающиеся на достижения современной российской и казахстанской историографии, а также результаты зарубежной исторической науки.

Методы исследования: историко-этнографический, с помощью которого мы попытались воссоздать ретроспективную реконструкцию положения казахов в колониальный период; сравнительно-исторический метод позволил определить тенденции развития международных отношений в Центральной Азии, эволюцию господствовавших длительное время концепций вхождения части территории казахов Младшего, Среднего и позднее Старшего жузов в Россию и положение казахов, в частности.

3. Обсуждение

Вопросы о положении казахов после вхождения в Российскую империю нашли свое отражение в исследовательских трудах видных ученых Казахстана и России. Наиболее ценными являются труды исследователей – современников событий, многие из которых являлись чиновниками, служившими в Российской империи на территории Младшего и Среднего жузов.

В трудах П.И. Рычкова «История Оренбургская» (1730–1750) содержится богатейший материал о хозяйстве и быте казахов. Различные стороны их общественных отношений описаны в трудах П.С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российской империи» (Паллас, 1809), И. Фалька «Полное собрание ученых-путешественников по России» (Фальк, 1824), И.Г. Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов» (Георги, 1799).

Не менее интересные сведения оставил русский посол А. Тевкелев. В его записках имеются данные о социальных разделениях в казахском обществе, а также показан сам ход присоединения казахов к России. В целом все эти источники позволяют получить представление об общественной жизни казахов и его социальных особенностях.

С начала XIX в. изучение территории казахов Младшего и Среднего жузов становится более подробным. В это время организовываются всевозможные экспедиции географического, исторического, этнографического характера. Среди исследователей можно назвать Ф. Назарова, Н. Муравьева, Г. Спаскова, а также А.И. Левшина, более подробно описавшего традиционный образ жизни казахов XVIII–XIX вв., и др.

В советской историографии основное внимание уделялось проблемам классовой борьбы конкретных представителей взаимодействующих сторон. Наиболее важными для нашего исследования являются работы Е.Б. Бекмаханова «Казахстан в 20-е – 40-е годы XIX века» (Бекмаханов, 1992), С.З. Зиманова «Общественно-политические взгляды Мухамеджана Сералина» (Зиманов, 1989), Б.С. Сулейменова, В.Я. Басина «Казахстан в составе России в XVIII – начале XX века» (Сулейменов, Басин, 1981), Н.Г. Аполовой «Присоединение Казахстана к России в 30-х гг. XVIII в.» (Аполова, 1948), Т.Ж. Шоинбаева «Добровольное вхождение казахских земель в состав России» (Шоинбаев, 1982).

По мнению Р.Ю. Почекаева, российские исследователи, занимаясь вопросами политико-правового развития Казахстана, попутно решали проблему своеобразной «реабилитации» российской имперской политики (Почекаев, 2017: 14).

4. Результаты

К концу XVIII в. усиливается процесс социальной поляризации, принимающий все более открытые и острые формы. К началу второй половины XIX в. казахское общество внешне изменилось мало: в основном оно осталось кочевым и полукочевым с низким уровнем производства. Но внутри аула уже происходит социально-экономическая дифференциация, следствием чего были, с одной стороны, разорение рядовых казахов, с другой – рост богатства в руках небольшой группы.

Переход казахов-кочевников на оседлый образ жизни привел к ухудшению их материального положения. Говоря о проблеме обнищания казахов, А.И. Левшин выделяет экономическую нецелесообразность перевода кочевников из традиционного уклада хозяйствования в сельскохозяйственную отрасль (Левшин, 1832: 30).

Известный путешественник хорунжий Н.И. Потанин в своей работе «Киргизские степи и Кокандское ханство в начале XIX столетия» писал об «удручающем» положении казахов.

Климатическая особенность и природные условия наложили особый отпечаток на формы хозяйствования на территории современного Казахстана в XVIII–XIX веках: основной деятельностью хозяйствования были различные формы ведения скотоводства.

По мнению российского правительства, развитие земледелия было одной из форм управления кочевыми казахами. Для этих целей во внешнем округе Омской области в течение 10 лет применялись различные виды поощрения в виде зернового хлеба и орудия земледелия (ПСЗ РИ, 231: 10).

Известный историк советского периода Т.Ж. Шоинбаев отмечал, что, согласно запискам местной администрации, киргизское общество разделилось на две равные части: на богатых киргизов, владеющих значительным количеством скота, и на работников (Шоинбаев, 1982: 5).

По реформе 1861 года земли, до того считавшиеся собственностью казахского общества, перестают быть таковыми – их причислили к государственной собственности. Но «новый порядок» в казахстанском землевладении вовсе тогда не исключал и формирование, в пределах современного Казахстана, частной собственности.

По положению 1891 года в разделе «Поземельное устройство» определялись земли, находившиеся в ведении местного кочевого и оседлого населения. Согласно положению, местное население имело право на землю, отведенную для их пользования в качестве зимних стойбищ. Они могли обрабатывать данную землю, разводить на ней сады, огороды и зерновые поля, а также возводить жилые хозяйственные постройки. Возделываемая земля переходила по наследству. Земли могли использоваться либо для ведения земледелия и строительства, либо для размещения заводов и мельниц (ПСЗРИ, 230: 143-145).

В конце XIX – начале XX веков соглашения и договоры заключались не с казахским обществом, подлинным собственником, а с российским государством. Так, например, 2 июня 1900 года «Товариществу нефтяного производства братьев Нобель» было разрешено приобретать (в собственность или в аренду) земли в Туркестанском крае «для устройства нефтяных и керосиновых складов». Но так, чтобы «служащие и уполномоченные представители Товарищества в Туркестанском крае не могли быть лицами, не имеющими права по закону на недвижимость в указанном регионе» (ПСЗРИ, 233: 577).

В хозяйственной жизни и социальной сфере казахского общества происходили структурные изменения в связи с политической надстройкой общества. В законах Российской империи имеются данные, позволяющие проследить общественно-политическую жизнь казахов на протяжении всего периода юридического оформления присоединения Казахстана к России до его завершения. Первые документы по данному вопросу относятся к XVIII веку.

С целью получения услуг в пользу России имперская администрация интерпретировала древнее звание «тархан». Для привлечения к имперской власти влиятельных казахов возводила их в тарханский чин, представляя всевозможные льготы. Также без внимания не оставались старшины и батыры родов. Отмечалось, что за верность и достоинство могли признать их тарханами и почитать в данном чине. Впервые звание тархана было пожаловано указом императрицы Елизаветы Петровны от 11 июля 1743 года батыру Джаныбеку. В 1793 году старшина Младшего жуза Суфрубий был также возведен в «тарханское достоинство». При этом в грамоте отмечалось, что народ должен почитать тархана за верность (ПСЗ РИ, 39: 414). Первоначально звание тархана могло быть пожизненным или даже наследственным. Однако единого мнения по этому вопросу у царской администрации не было. Так, из письма тайного советника Неплюева мы видим, что тарханское достоинство вручалось казахским старшинам, но он считал, что такое достоинство нужно поощрять и у тех, кто более усерден в лояльности к имперской администрации (ПСЗ РИ, 39: 414).

В первой половине XIX века тарханы как особая социальная группа имели еще более существенную роль в общественно-экономической жизни края. Они не только возводились в это достоинство царской администрацией, но и сами стремились к этому. Так, сформировавшиеся в основном из старшин и батыров тарханы оказались выведенными из податного сословия России, – отмечает Б.Н. Абдрахманов (Абдрахманов, 2019).

Итак, ханы и султаны, потомки чингизидов, по уставу 1822 года имели права лишь как служащие, как правители «от высшего начальства, с согласия народа» (ПСЗ РИ, 207: 150). Российская администрация в Степи в качестве главного своего союзника сделала родовую знать, именуемую в Полном собрании законов Российской империи старшинами. Если раньше для избрания в ханы и султаны было достаточно происхождения и личных качеств, то с усилением влияния России в Казахской степи важна была их служба в колониальном аппарате. По сути, они становились чиновниками российской администрации, получая подарки, награды и привилегии за свою службу.

Права другой части знати были приравнены к правам остального феодального сословия. Бии, старшины и батыры, в противоположность султанам, были выходцами из кочевой родоплеменной общины, у них были «свои права», экономические выгоды. Казахские бедняки уходили к казакам в качестве рыболовов и соледобытчиков, на рудники золотодобычи, наемными рабочими к жителям Оренбургской линии. Например, в указе от 12 апреля 1820 года, данном оренбургскому военному губернатору, разрешалось казахам наниматься «в работники к жителям Оренбургской линии» (ПСЗ РИ. 207: 150).

Массовое изъятие крупными султанами, старшинами и русскими колонизаторами казахских земель во второй половине XIX века привело к появлению большого количества безземельных и бескотных казахов – джатаков (жатаков). А.Б. Максимов дает их определение: обедневшие казахи, которые раньше занимались скотоводством, оставшись безлошадными, неспособные кочевать. Чтобы как-то существовать, поддерживать свою семью, они часто нанимались на различные работы к переселенцам-крестьянам либо сами переходили к землеобработыванию (Максимов, 1902: 117; Козыбаев, 2010: 484). А.Б. Максимов, основываясь на мнении известного русского исследователя Г.Н. Потанина, оставил свое видение этого явления, согласно которому джатак происходит от глагола «лежать», так прозывали казахов, у которых пал скот и которые не могли участвовать в традиционных откочевках (Максимов, 1902: 118; Козыбаев, 2010: 484).

В переработанном, дополненном издании «Русско-казахского словаря» «отходник» – «жатак» – охарактеризован как крестьянин, работающий по сезонам на городских предприятиях (Добросмыслов, 1909: 158; Козыбаев, 2010: 484).

Лишение домашнего скота как части казахских хозяйств приводило к резкому ухудшению имущественного положения. Гибель скота вследствие джута или его болезнь приводили к хозяйственной зависимости от своих богатых сородичей. Дело в том, что для прокормления своих стад в зимнее время казахи-кочевники большей частью не делали никаких запасов фуража, пасли огромные стада в степи, где скот добывал себе корм из-под снега (Пахомов, 1911: 22; Добросмыслов, 1894: 365; Козыбаев, 2010: 485). В случае продолжительной зимы и гололедицы или снежных буранов казахи теряли много скота. «...Упалый скот, в особенности бараны, грудями лежали на зимовках ...по невозможности зарыть в землю или сжечь», – описывал последствия джута исполняющий обязанности военного губернатора области сибирских казахов в мае 1857 г. (История Академии наук СССР, 1964: 624; Козыбаев, 2010: 485).

Джут порою тяжело сказывался и на земледельческом хозяйстве крестьян-переселенцев, ибо нередко местные казахи снабжали новых поселенцев быками и лошадьми при условии распаивания и засеивания для кочевников земельных участков. Большая часть разорившихся казахов переходила к земледелию. Объективно этому способствовали административные меры правительства, стремившегося облегчить административный надзор за устройством казахского населения, приучая его плавно переходить к земледельческому труду (Жиренчин, 1987: 132; Козыбаев, 2010: 485). Еще 23 мая 1808 г. правительство приняло решение об устройстве «бескотных» казахов-бедняков, кочевавших по Оренбургской линии. Оно разрешило обеспечить их беднейшие слои средствами к существованию, в связи с чем было велено выделить землю селениям, которые примут киргизов (Жиренчин, 1987: 97-98; Козыбаев, 2010: 485).

Политическим целям администрации царя соответствовали меры перехода казахов к оседлому ведению хозяйства. Традиционное кочевание массы казахов на огромных степных просторах, трудно контролируемое военно-казахскими линиями и окружной администрацией, выявило трудности «обуздания» кочевников и показало выгоду создания земледельческих очагов для них вблизи военных линий. Однако все возрастающие масштабы правительственной колонизации пастбищных угодий кочевников, объявление казахских земель государственной собственностью с каждым годом усиливали угрозу для нормального функционирования традиционного скотоводства. Комиссия же по устройству переселенцев не считалась с интересами автохтонных обитателей степи. Согласно Жиренчину, переселенцы, несмотря на наличие местных бескотных казахов-джатаков, которые могли бы потенциально образовывать поселения, занимали более плодородные и сенокосные угодья (Жиренчин, 1987: 105; Козыбаев, 2010: 485).

Правительство создавало новые поселения из числа крестьян-переселенцев, так как стремилось путем переселения крестьян из внутренних губерний, казаков из Сибири и Оренбуржья создать «новые экономические центры, производящие хлебные продукты» и обеспечить джатаков возможностью заниматься не только скотоводством, но и земледелием» (Акимбеков, 2018: 424).

Среди представителей царской администрации не было единства по вопросам оседлости казахов. 1823 году оренбургский чиновник таможи Звенигородский писал, что при свойствах земли Казахской степи она не может быть заселена постоянными жилищами и народ, в ней обитающий, должен быть кочевым и пастушеским (Шоинбаев, 1982: 113). М.А. Терентьев разъясняет позицию более обстоятельно: «До Сухтелена правительство всеми мерами стремилось приучить киргизов к оседлости, Сухтелен же провел мысль, что киргизы должны быть удержаны в кочевом состоянии, так как они могут быть полезными России, только оставшись кочевым народом, потребителем наших хлебных продуктов и мануфактурных изделий, поставщиком сырья, таких как кожа, шерсть, мясо.

Поэтому стремление некоторых линейных киргизов к земледелию не поддержалось и даже домов строить им не разрешалось» (Терентьев, 1830: 93). Сменивший Сухтелена в 1833 г. генерал В. Перовский придерживался аналогичного мнения, смотря на территории Младшего жуза как на рынок животноводческого сырья.

Подобные мнения оказали влияние на политику царского правительства в данном вопросе, взявшего курс на превращение Казахской степи в сырьевую базу российской промышленности. В 1833 г. по представлению В. Перовского Азиатский комитет принял решение о запрете казахам Младшего жуза заниматься земледелием при приграничной линии и зимовке не ближе 15-верстной полосы, отведенной русским крестьянам из центральной России для заселения (Рожкова, 1949: 210).

Автор известной работы о жизни казахов Оренбургского края И.Ф. Бларамберг отрицательно высказывался о переходе казахов к земледелию. Он считал, что пока казахский народ занимается скотоводством, он более полезен, чем его переход на земледелие (Галиев, 1998: 87; Козыбаев, 2010: 486). В.З. Галиев отмечает, опираясь на труды Завалишина, что в рационе казахов преобладала белковая пища – баранина, конина, мясо птиц, молоко, кумыс, сыр, что вполне естественно, т.к. кочевники не расположены к потреблению хлеба и поэтому не занимались земледелием (Галиев, 1998).

Вхождение в экономику товарно-денежных отношений казахского общества, обнищание местного населения, потеря скотоводческого статуса привело к вынужденной популяризации земледелия как для собственного потребления, так и для особенного товара на рынках. Приведем данные по Кокчетавскому, Атбасарскому уездам Акмолинской области: «за март 1901 г. в двух упомянутых уездах было зарегистрировано 2222 хозяйства джатаков и 2880 хозяйств «отсутствующих» (т.е. находившихся на положении джатаков), официально не зарегистрированных», – писал С.А. Урашев в своей книге «Родники просвещения», изданной в 1998 году. Если считать, что в среднем в каждой кибитке было по 5 человек обоего пола, то всего получится 11 110 джатаков. Прибавив к этому количеству людей половины «отсутствующих» кибиток, получим 19 310 человек, что составляет значительный удельный вес джатаков в общей численности кочевого населения (Козыбаев, 2010: 486).

Кроме земледельческого труда, бескотные скотоводы в поисках пропитания нанимались на работы, преимущественно в летнее время, по строительству.

И. Рамаев пишет, что в летнее время перевозка строительных материалов затруднена тем, что не находятся работники, желающие перевозить строительные материалы под палящим солнцем, кроме более приспособленных к таким природным явлениям казахов (Рамаев, 1926; Амирханов 1988: 10; Козыбаев, 2010: 486). Причем как архивные, так и печатные материалы подтверждают, что большую часть наемных рабочих составляли джатаки (Рамаев, 1926; Амирханов, 1988: 11; Козыбаев, 2010: 486).

Бескотные казахи «джатаки», часто привлекавшиеся к работе на земле, получали более низкую оплату за свой труд. В то же время крестьяне-переселенцы получали оплату в два раза больше (Айкап, 1914; Зиманов, Идрисов, 1989: 48-49; Козыбаев, 2010: 486). Строительство железных дорог в Казахстане и привлечение джатаков для выполнения строительных работ было важным для приобретения производственно-технического опыта, сформировался новый социальный слой рабочих. «Сама дешевизна постройки Воскресной железной дороги (Павлодарский уезд) многим обязана тому, что большую часть рабочих, при ее постройке составляли киргизы», – информировал своих читателей корреспондент «Тургайской газеты» (Субханбердина, 1999: 834; Атабаев, 2000: 101; Козыбаев, 2010: 487). Кроме того, часть джатаков, крайне разоренных стихийными бедствиями, находила заработок в русских крестьянских селениях, казачьих станицах. К примеру, прииртышские казаки, получив большие земельные наделы от переселенческого управления и не располагая возможностью за недостатком рабочих рук развивать свое хозяйство в «полной мере», охотно стали «пускать киргиз» не только на перезимовку, но и на летовку с отдачей им на обоюдовыгодных условиях большей части своих сенокосов (Зиманов, Идрисов, 1989: 62; Козыбаев, 2010: 487). Казахи-джатаки вместе с торговцами из Центральной Азии устраивали «полуоседлые гнезда», получившие название торговых «слободок» (Айкап, 1995; Субханбердина, 1999: 21; Козыбаев, 2010: 487).

Вблизи административного центра часто можно было встретить более зажиточных людей, которые строили и обживали новые дома, составляли часть городского сообщества (Козыбаев, 2010: 487).

Большая часть казахов-бедняков в поисках средств к существованию шла в городские поселения и впоследствии нанималась на различные работы, обживала города. Эти люди становились городскими жителями, приобретали различные профессии, были рабочим классом. К примеру, только по Кокчетавскому округу в 1856, 1857, 1878 гг. волостными управителями было выдано 236 «отпускных» билетов (Бекхожин, 1964: 70; Субханбердина, 1999: 49-50; Козыбаев, 2010: 487).

О масштабе отходничества говорит количество выданных ушедшим на заработки билетов за 1887 г.: по Усть-Каменогорскому уезду – 7 028, по Семипалатинскому – 6 728, по Зайсанскому – 706, по Павлодарскому – 2 036, по Каркаралинскому – 3 536 (Зиманов, Идрисов, 1989: 63; Козыбаев, 2010: 487). В 1895 г. волостными управителями было выдано паспортов (билетов): по Усть-Каменогорскому уезду – 7 450, по Семипалатинскому – 7 156, по Павлодарскому – 2 684, по Зайсанскому – 1 012, по Каркаралинскому – 4 438 (Аул, 1924, Козыбаев, 2010: 487). Разница в количестве выданных

билетов почти за десятилетний срок составила 3 346. Мы полагаем, что приведенные сведения не точно отражают уровень отходничества, ибо зачастую казахи уходили на заработки без паспортов, что затрудняло их регистрацию и учет. Козыбаев, опираясь на труды С.З. Зиманова, К.З. Идрисова определил, что в 1901 году в Кокчетавском уезде джатаки составляли 4,6 %, в северных волостях Атбасарского уезда – 5,3, в южных – 7,9 (Зиманов, Идрисов, 1989: 64; Козыбаев, 2010: 487). К сожалению, в материалах по переписи городского населения сведения о численности джатаков, приехавших на «отхожие» работы, встречаются весьма редко, что затрудняет их учет в городском населении. Общая численность кочевников по Кокчетавскому уезду составляла 95,4 %, остальные составляли джатаки (Козыбаев, 2010: 487).

Аграрно-переселенческая политика метрополии не только сопровождалась изъятием в пользу переселенческого фонда луго-пастбищных угодий коренных обитателей степи, но и в значительной мере усугубила и без того сложное положение джатаков, вытесненных на малопригодные участки, способствовала втягиванию Казахстана в торгово-экономический рынок России (Зиманов, Идрисов, 1989: 69; Козыбаев, 2010: 487).

На основании устава от 1822 года о сибирских киргизах зафиксирована, в том числе, одна «оригинальная» деталь, связанная с правом казахов переписываться из одного сословия в другое. Киргизы могли оставлять у себя в собственности раннее приобретенных невольников с правом их перепродажи либо наследственной передачи. Однако запрещалось владеть вновь приобщенными к неволе киргизами. О каждом приобретении, продаже, обмене ставили в известность окружной приказ. Но данным правом могли воспользоваться казахи, имеющие российское гражданство (ПСЗ РИ. 204: 430; Абдрахманов, 2019: 60-61).

Массовый уход джатаков (наряду с отмеченными обстоятельствами) на предприятия горной, горнодобывающей и угольной промышленности (Восточного, Центрального, Северного Казахстана) падает именно на весенние месяцы, очевидно значение данного положения для воссоздания действительности того периода в обширной степной зоне (Козыбаев, 2010: 488).

XIX век оказался засушливым, особенно в первом десятилетии. Почти ежегодные засухи и джуты приводили к резкому сокращению поголовья скота у казахов Младшего жуза. Не утихающие межплеменные войны, двусторонние разорительные набеги с башкирами и казаками превратила территорию Младшего жуза в непроходимую для караванов, необходимых для получения товаров, обмена скота. В итоге обнищание казахов Младшего жуза достигло критической точки: случаи продажи ими своих детей стали приобретать массовый характер (Темирғалиев, 2019: 196).

23 августа 1805 года директор Оренбургской таможни Величко П.Е. в рапорте на имя министра коммерции Н.П. Румянцева сообщил: «Крайнейшая бедность, постигшая за несколько пред сим лет многия киргизския семьи, даже целые многолюдные их роды, не только между ими не умаляется, но кажется ещё из года в год усиливающеюся; как сия бедность есть единая вина, что киргизцы, удушая даже чувство природы, решаются для спасения от голодной смерти продавать собственных своих детей под именем азиатских пленников» (АВПР. Ф. Гл. архив, П-25, Д. 7. Л. 2699-2703).

Военный губернатор Оренбурга Г.С. Волконский сообщил, что в приграничных районах оренбургских линий местное население находилось в крайне бедственном положении, не гнушаясь продажи детей (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 555. Л. 2-50б.). Сеем предположить, что бедные казахи принимали столь радикальное решение не для того чтобы улучшить свое материальное положение, а с целью сохранения жизни своих детей хотя бы таким способом. Чтобы спасти свои семьи от голода, они вынуждены были уходить в русские селения и города, иногда даже продавать своих детей, о чем свидетельствуют архивные документы. Одним из фактов, подтверждающих продажу детей в рабство хивинским торговцам, является сообщение военного губернатора Оренбурга Г. Волконского от сентября 1805 г. в Государственную коллегию иностранных дел: «...Во время нынешней здесь в меновом дворе ярмарки замечено, что хивинцы, прибывшие в сем лето с караванами, накупили в степи близ границ наших киргизских детей под названием каракалпакских. Сии несчастные дети в самом обществе точно киргизские, а не каракалпаков, но киргизами не только родственниками, даже и самими родителями продаются в неволю по крайней бедности. Хивинцы, пользуясь сею крайностью киргизцев, между тем причиняют зло России, коей киргизцы суть подданные, искупая детей их весьма за маловажную цену, поработают себе в вечную, так сказать, неволю или рабство» (АВПР. Ф. Гл. архив, П-25, Д. 7. Л. 2699-2703).

«Договор от 14 декабря 1812 г. о продаже своей 6-летней дочери Атыкеи», который был заключен между казахом Б. Каражигитовым и хорунжим Сыртинской крепости И. Замятым. Семья Атыкеи была многодетной, и так как нарушился традиционный способ хозяйствования, семья бедствовала. И как следует из документа, родители пошли на такой шаг в целях прокормления и выживания детей (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1704. Л. 2-20б.).

Российская власть, столкнувшись с такими фактами, решила запретить покупку и продажу детей, изымала уже приобретенный живой товар у хивинских кушцов. Царский указ Александра I от 23 мая 1808 г. предписывал, что все купленные и вымененные киргизские дети обоого пола по достижении 25-го возраста должны быть освобождены и получить разрешение жить в пределах империи (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 555. Л. 2-50б.).

Комиссией, созданной при пограничной линии Оренбурга были разработаны правила, регулирующие порядок и процесс проведения покупок и обмена казахских детей. Покупатель или выменивающий детей у казахов должен был проходить процедуру регистрации в службе линейной комиссии при заставе (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 555. Л. 2-50б.).

5. Заключение

Анализ источников позволяет делать выводы, что казахи в XVIII–XIX вв. находились в кризисном положении; непрекращающиеся распри среди верхушки родоплеменной власти (султанов, ханов Младшего и Среднего жузов), различные войны и набеги ухудшали положение. Вхождение казахов в состав Российской империи привело к изменениям традиционного уклада жизни. Казахи Старшего жуза все большее внимание уделяли земледелию. Такие тенденции появились и в других жузах. Российская власть различными методами поощряла земледелие. Привычный способ кочевого скотоводства также изменился. В Младшем жузе развивалось овцеводство, а в Среднем – коневодство. Овцеводам удалось вывести «едильбаевскую» породу овец путем селекции. Также начали разводить крупнорогатый скот.

Казахи в поисках заработка переходили границы и в качестве работников жили в русских поселениях, учились рыболовству и земледелию. Гибкость и восприимчивость казахов позволила им в кратчайшее время освоить многие профессии и ремесла: учителя, писателя, врача, художника, торговца, генерала, рыбака, спортсмена... В конце XIX века в казахском обществе появилась немногочисленная прослойка национальной интеллигенции.

Литература

- АВПР – Архив внешней политики Российской Федерации.
 ПСЗ РИ – Полное собрание законов Российской империи. СПб. Собр. 1. 1828–1830 гг.; Собр. 2. 1830–1884 гг.; Собр. 3. 1884–1916 гг.
 ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
 Абдрахманов, 2019 – Абдрахманов Б.Н. Казахстан в материалах полного собрания законов российской империи. Учебное пособие для студентов исторических специальностей. Павлодар, 2019. С. 56-65.
 Бекмаханов, 1992 – Бекмаханов Е. Казахстан в 20-е – 40-е годы XIX века. Алма-ата, 1992.
 Галиев, 1998 – Галиев В.З. Библиотечное дело в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX веков). Нац. б-ка Респ. Казахстан. Алматы, 1998. 139 с.
 Георги, 1799 – Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Изданием книгопродавца Ивана Глазунова. СПб., 1799.
 Добросмыслов, 1909 – Добросмыслов А.И. Этнографические очерки // Туркестанский сборник. Туркестан. 1909. 509 с.
 Жиренчин, 1987 – Жиренчин А.М. Из истории казахской книги. Казахстан. Алма-ата, 1987. 144 с.
 Зиманов, Идрисов, 1989 – Зиманов С.З., Идрисов К.З. Общественно-политические взгляды Мухамеджана Сералина. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 48-64.
 Крафт, 1898 – Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей / Сост. ст. советник Тург. обл. правл. И.И. Крафт. Оренбург, 1898. 884 с.
 Костенко, 1870 – Костенко Л.Ф. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1870.
 Левшин, 1832 – Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832. 338 с.
 Максимов, 1902 – Максимов А.Б. О необходимости приступить к составлению сборника Киргизского обычного права // Юбил. сборник. Омск, 1902. 117 с.
 Мейер, 1850 – Мейер Л.Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства / Сост. Ген. штаба подполк. Л. Мейер. СПб., 1865. 386 с.
 Отепова, 2017 – Отепова Г.Е. Теоретико-методологические аспекты изучения законодательных актов. Павлодар: ПГПИ, 2017.
 Паллас, 1809 – Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1809.
 Пахомов, 1911 – Пахомов И. Киргизское хозяйство на Ак-Тобе и на верховьях Курчума // Записки Семипалатинского подотдела. Оренбург, 1911. Вып. 5. С. 22.
 Потанин, 1909 – Потанин Н.И. Киргизские степи и Кокандское ханство в начале XIX столетия. Омск: б.и., 1909.
 Почекаев, 2017 – Почекаев Р.Ю. Губернаторы и ханы. Личный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. Издательский дом Высшей школы экономики. М., 2017.
 Рамаев, 1926 – Рамаев И. Татарская периодическая печать. Альбом (1905–1925). Казань, 1926.
 Рожкова, 1949 – Рожкова М. Экономическая политика царского правительства на среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М., 1949.

- Рычков, 1762** – *Рычков П.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. 406 с.
- Сартори, Шаблей, 2019** – *Сартори П., Шаблей П.* Эксперименты империи. Новое литературное обозрение. М., 2019.
- Темиргалиев, 2019** – *Темиргалиев Р.Д.* Казахи и Россия, история казахского ханства. Алматы, 2019.
- Терентьев, 1903** – *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. СПб., 1903.
- Урашев, 1998** – *Урашев С.А.* Родники просвещения. Алма-ата: Санат, 1998.
- Шоинбаев, 1982** – *Шоинбаев Т.Ж.* Добровольное вхождение казахских земель в состав России. Казахстан. Алма-ата, 1982.
- Фальк, 1824** – *Фальк И.П.* Полное собрание ученых-путешественников по России. СПб., 1824.
- Фукс, 2008** – *Фукс С.Л.* Очерки истории государства и права казахов в XVIII и первой половине XIX в. Астана, 2008.

References

- Abdrakhmanov, 2019** – *Abdrakhmanov, B.N.* (2019). Kazakhstan v materialakh polnogo sobraniya zakonov rossiiskoy imperii. Uchebnoye posobiye dl'ya studentov istoricheskikh special'nostey [Kazakhstan in the materials of the complete collection of the Russian Empire. Textbook for students of specialties]. Pavlodar, pp. 56-65. [in Russian]
- AVPR** – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii [Archive of foreign policy of the Russian Federation].
- Bekmakhanov, 1992** – *Bekmakhanov, Y.* (1992). Kazakhstan v 20e – 40e XIX veka [Kazakhstan in the 20s – 40s of the XIX century]. Alma-ata. [in Russian]
- CGA RK** – Central'nyi Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. [in Russian]
- Dobrocmyslov, 1909** – *Dobrocmyslov, A.I.* (1909). Etnograficheskiye ocherki [Ethnographic essays]. Turkestanskiy sbornik. Turkestan. 509 p. [in Russian]
- Falk, 1824** – *Falk, I.P.* (1824). Polnoe sobranie uchenyh-puteschestvennikov po Rosii [Complete collection of scholars-travelers in Russia]. Saint Petersburg. [in Russian]
- Fuks, 2008** – *Fuks, S.L.* (2008). Ocherki istorii gosudarstva i prava kazahov v XVIII i pervoi polovine XIX v. [Essays on the history of the state and law of the Kazakhs in the 18th and first half of the 19th centuries]. Astana. [in Russian]
- Galiyev, 1998** – *Galiyev, V.Z.* (1998). Bibliotekoynye delo v Kazakhstane (vtoraya polovina XIX nachalo XX vekov [Librarianship in Kazakhstan (second half of the 19th – early 20th centuries)]. National Library of Rep. of Kazakh. Alma-ata, p. 139. [in Russian]
- Georgi, 1799** – *Georgi, I.G.* (1799). Opisanie vsekh v Rossiiskom gosudarstve obitayuschikh narodov. Izhdeveniyem knigoprodavca Ivana Glazunova [Description of all peoples living in the Russian state. Dependent on the bookseller Ivan Glazunov]. Saint Petersburg. [in Russian]
- Kostenko, 1870** – *Kostenko, L.F.* (1870). Sredniaya Azia i vodvorenie v nei ruskoj grajdanstvenosti [Central Asia and the establishment of Russian citizenship in it]. SPb. [in Russian]
- Kraft, 1898** – *Kraft, I.I.* (1898). Sbornik uzakoneni o kirgizah stepnykh oblastei. Sost. st. sovetnik Turg. obl. pravl. I.I. Kraft [Collection of legalizations about the Kirghiz of the steppe regions. Comp. Art. adviser Turg. region rule I.I. Kraft]. Orenburg, 884 p. [in Russian]
- Levshin, 1832** – *Levshin, A.I.* (1832). Opisanie kirgiz-kazachih, ili kirgiz-kaisaskih ord i stepei [Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes]. SPb., p. 338. [in Russian]
- Maksimov, 1902** – *Maksimov, A.B.* (1902). O neobhodimosti pristupit k sostavleniu sbornika Kirgizskogo obychnogo prava [On the need to start compiling a collection of Kyrgyz customary law // Yubil. collection]. *Yubil. sbornik.* Omsk, p. 386. [in Russian]
- Maksimov, 1902** – *Maksimov, A.B.* (1902). O neobhodimosti pristupit k sostavleniu sbornika Kirgizskogo obychnogo prava [On the need to start compiling a collection of Kyrgyz customary law // Yubil. collection]. *Yubil. sbornik Omsk,* 117 p. [in Russian]
- Otepova, 2017** – *Otepova, G.E.* (2017). Teoretiko-metodologicheskie aspekty izucheniya zakonodatelnykh aktov [Theoretical and methodological aspects of the study of legislative acts]. Pavlodar: PSPI. [in Russian]
- Pakhomov, 1911** – *Pakhomov, I.* (1911). Kirgizskoe hozyaistvo na Ak-Tobe i na verhovyah Kurchuma // Zapiski Semipalatinskogo podotdela [Kyrgyz economy on the Ak-Tobe and on the upper reaches of the Kurchum]. Zapiski Semipalatinskogo podotdela. Orenburg. Vyp. 5. P. 22. [in Russian]
- Pallas, 1809** – *Pallas, P.S.* (1809). Puteshestvie po raznym provinsiam Rosiskoi imperii [Journey through different provinces of the Russian Empire]. SPb. [in Russian]
- Pochekaev, 2017** – *Pochekaev, R.Yu.* (2017). Gubernatory i hany. Lichnyi faktor pravovoi politiki Rosiskoi imperii v Sentralnoi Azii: XVIII – nachalo XX v. [Governors and khans. Personal factor of the legal policy of the Russian Empire in Central Asia: XVIII – early XX centuries]. Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki. Moskva. [in Russian]

- Potantin, 1909 – *Potantin, N.I.* (1909). Kirgizskie stepi i Kokandskogo hanstva v nachale XIX stoletia [Kirghiz steppes and the Kokand Khanate at the beginning of the 19th century] Omsk: B.I. [in Russian]
- PSZ PI – Polnoye sobraniye zakonov Rossiiskoy imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. SPb., Coll. 1. 1828–1830.; Coll. 2. 1830–1884.; Coll. 3. 1884–1916. [in Russian]
- Ramaev, 1926 – *Ramaev, I.* (1926). Tatarskaia periodicheskaia pechat. Album [Tatar periodical press. Album] (1905–1925). Kazan. [in Russian]
- Rozhkova, 1949 – *Rozhkova, M.* (1949). Ekonomicheskaya politika carskogo pravitelstva na srednem Vostoke vo vtoroi chetverti XIX v. i ruskaia burjuazia [The economic policy of the tsarist government in the Middle East in the second quarter of the 19th century and the Russian bourgeoisie.]. Moskva. [in Russian]
- Rychkov, 1762 – *Rychkov, P.* (1762). Topografia Orenburgskoi gubernii [Topography of the Orenburg province]. Orenburg, 1887. 406 p. [in Russian]
- Sartori, Chablai, 2019 – *Sartori, P., Chablai, P.* (2019). Eksperimenty imperii. Novoe literaturnoe obozrenie [Experiments of Empire. New Literary Review]. Moskva. [in Russian]
- Shoinbaev, 1982 – *Shoinbaev, T.Zh.* (1982). Dobrovolnoe vhojdenie kazahskikh zemel v sostav Rosii [Voluntary entry of Kazakh lands into Russia]. Kazakhstan. Alma-ata. [in Russian]
- Temirgaliev, 2019 – *Temirgaliev R.D.*, Kazahi i Rosia, Istoria kazahskogo hanstva [Kazakhs and Russia, History of the Kazakh Khanate]. Alma-ata, 2019. [in Russian]
- Terentiev, 1903 – *Terentiev, M.A.* (1903). Istoria zavoevania Srednei Azii [History of the conquest of Central Asia]. SPb. [in Russian]
- Urashev, 1998 – *Urashev, S.A.* (1998). Rodniki prosveschenia [Origins of enlightenment]. Sanat. Alma-ata. [in Russian]
- Zhirenchin, 1987 – *Zhirenchin, A.M.* (1987). Iz istorii kazahskoi knigi. Kazakhstan. Alma-ata [From the history of the Kazakh book]. P. 144. [in Russian]
- Zimanov, Idrisov, 1989 – *Zimanov, S.Z., Idrisov, K.Z.* (1989). Obschestvenno-politicheskie vzglyady Muhamejana Seralina [Socio-political views of Mukhamedzhan Seralin.]. Alma-Ata: Nauka. Pp. 48–64. [in Russian]

Положение казахов после вхождения Казахской степи в состав Российской империи в XVIII–XIX вв.

Арман Алпамысович Умаров ^{a, *}, Бауржан Нариманович Абдрахманов ^a, Анара Еркеновна Каримова ^a, Гульфира Елюбаевна Отепова ^a

^a Павлодарский педагогический университет, Павлодар, Республика Казахстан

Аннотация. В данной статье авторы исследовали положение казахов после вхождения Казахской степи в состав Российской империи. Проработав архивные источники, законы Российской империи, свидетельства современников и исследования ученых, авторы приходят к выводу: социальные процессы, происходившие с конца XVIII – XIX вв. мало изучены и не потеряли своей актуальности.

Российскими и казахстанскими историками исследовалось присоединение Казахской степи в политическом контексте, рассматривались вопросы об отношениях и дипломатических связях, причинах, приведших казахов к зависимости. Данная статья не рассматривает политические дискуссии и причины вхождения территории Младшего, Среднего, а затем и Старшего жузов в состав Российской империи. Ключевыми проблемами в ней стали включение рядовых казахов в новую управленческую систему, социальная поляризация общества, изменение традиционного уклада жизни, что является новизной данного исследования.

Ключевые слова: положение казахов, зависимость, джатаки, кочевое хозяйство, земледелие, хлебопашество, бесскотный, кризис, рабство, социальная поляризация.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: arman.umarorov77@mail.ru (А.А. Умаров), abdrahmanov_bayr@mail.ru (Б.Н. Абдрахманов), akeo73@mail.ru (А.Е. Каримова), g.otepova.hist@mail.ru (Г.Е. Отепова)